Абитура...

Ещё в 11 утра, они лежали на матрацах в пустой комнате общежития Политехнического института, но уже проснулись – оба. Вставать совсем не хотелось – делать совершенно нечего. Все дела они переделали накануне. Накануне поступили учиться, Георгий в университет, Сергей – в политехнический. Сделали у себя в новых альма матер, все присущие этому событию вещи. Остались, правда, и кое какие недоделанные дела – ради них и остались. Ещё пройдут несколько дней, и можно будет собираться домой, а пока рано, сказали на “верхах” – нужно подождать, обоим сказали. Вот они и ждали – ничего не делали, потому что, делать было нечего.

Утро было точно такое, как вчера, совершенно пустое, делать и вчера было нечего. В общежитии было почти пусто – студенты, сдав сессию, подобрав “хвосты” и прочие материально-технические обязательства, благополучно, кто на чём, разъехались по домам, радовать родителей, соседских девчонок и таких же, как они сами, студентов других ВУЗов, с которыми давно не виделись и с которыми практически не общались целый год!

Слонявшиеся по общаге неприкаянные фигуры, принадлежали или закоренелым “неудачникам”, или разного рода “деятелям”. Именно деятелям, дивичьи фигуры – не просматривались. Одним словом – тоска, и тоска, непросветная.

В карманах у друзей, было почти пусто. Поэтому в кино, прочие танцплощадки, не ходили. Забрели, правда, вчера в краеведческий музей, и часа за два осмотрели все экспозиции. Осмотрели всё там, потому что времени было навалом, а билет в музей стоил сущие копейки. Всё там понравилось, как говорить: не было печали... Но музеев в Томске, не так много, надо придумывать сегодня ещё что-то, может быть сходить в филармонию. Нет, это, пожалуй, сильно круто, даже для сегодняшнего дня.

Размышляли так они почти параллельно, потому что исходный материал, был один: застряли в этой общаге по воле случая, оба, и теперь, вот, жди ещё, когда всё прояснится, и можно будет уехать.

В комнате было совершенно пусто – ни заправленных коек, ни занавесок, ни половинок, поэтому изучать рисунки на полу, получившиеся из-за облетевшей и ободранной краски, было уже не интересно. Несколько, неизвестно как попавших сюда газет, перечитаны вдоль и поперёк. Надо походить по другим комнатам, может там чего найти можно. Сказано – сделано. Умыл лицо, почистив зубы, товарищи сначала вместе, а потом врозь, начали методическую инвентаризацию оставшегося после учебного года, имущества. Ходили долго, даже на этаж выше поднимались, почти нечего. Но кое что всё таки, принесли: пачку чая (ещё как пригодиться), чуть-чуть сахару, денег мелочью рубля два, большую половую тряпку (а как без неё), подшивки журналов «Юность» и «Смена», старая-престарая, разбитая-преразбитая гитара, и самое интересное – магнитофон первых выпусков, не «Мелодия», конечно, но посмотрим, посмотрим... Посмотрели. Нашедшаяся с ним кассета, никаких звуков не издавала, даже плёнка не шуршала. Нашли что-то вроде отвёртки и открутили панель, закрывавшую все “внутренности”. Та-а-а-

к... поглядим, поглядим. И хотя особого ничего такого не высмотрели, но подтянули-таки пару-тройку болтиков, прошевелили все другие части, вытерли пыль, поставили снятую панель на место, и магнитофон зашуршал, поставленная плёнка издала кое-какие звуки, не совсем понятные, правда. В старинном футляре магнитофона отыскался и микрофон, такой же древний, как и он сам, ну да ладно...

Не поющий магнитофон поставили на подоконник и, прибрав немногочисленный студенческий антураж, спустились на первый этаж, вышли на всё ярче заявляющее о себе солнце, и зашли в дверь магазинчика, необходимого студентам, с нехитрым и хилым ассортиментом: хлеб, маргарин, жир, дешёвое вино, какие то банки-склянки, и ... запах, непередаваемый и незабываемый запах всех подобных магазинчиков в студенческих общежитиях... Купили булку хлеба, и трёхлитровую банку консервированных красных помидор, ну, очень дешёвых, как теперь выясняется, и пачку сигарет (*курили тогда, зараза...*). Завтрак, он же и обед, выглядел просто шикарно: на газете, нарезанный свежий хлеб, два стакана свежесваренного чая (кипятильник был свой, стаканы – местные), открытая банка помидоров, 3-4 карамельки (где-то взяли). И всё, а голодные и жадные желудки – при себе всегда.

После принятия пищи чуток отдохнули, и начали просматривать журналы: один «Юность», другой – «Смену». Через час обменялись «литературой». «Литература» была уже читанная, местами – слышанная, местами неинтересная, ну, это как всегда, и во все времена... Чем были хороши оба журнала? В них (особенно в «Юности»), печатались стихи, и не плохие, кстати. Неплохие потому что, поэты (и поэтессы тожь), были молоды, задиристы, максималистки настроены, и на компромиссы не согласны. Полная противоположность современной толерантности.

Стихи мы в начале декламировали, и так, и этак. Потом стали читать их речитативом – понравилось. Затем, кое-как поднастроив гитару, стали извлекать из неё звуки, как нам казалось, в такт, и в лад... (музыканты мы были, конечно, ещё те...). Одним словом, началось творчество, которое, как ни странно, вскоре незаметно захватило нас обоих. Включили магнитофон и пели стихи молодых, да ранних поэтов «Юности», прямо в микрофон, как Бог на душу положит...

Кассета была средних размеров, и мы её записали полностью.

На следующий день всё повторилось: спали, завтракали, но журналы уже не читали, и стихов не декламировали, а только слушали **свои** песни и вместе с магнитофоном **пели** их самозабвенно. И на следующий день – тоже... Ну что ж, какие стихи, такие и песни (*шучу, конечно*).

Через несколько дней дела задерживавшие нас, были сделаны и мы с Сергеем покинули гостеприимный Томск. Ни магнитофона, ни гитары, ни даже подшивок популярных журналов мы не взяли с собой. Знали, что «На пароходе музыка играла...», не наша правда, какие мы композиторы, какие музыканты, даже не серёдочка, на половиночку, а бери ещё ниже... Музыка была другая, пароходская, со своими мотивами, мотивчиками и заветными местами...

Прошло много лет. С Серёгой встречались мы редко, можно сказать, очень редко. Жили в разных местах и не “пересекались”. А тут возьми и “пересеклись”. Как это и бывает всегда, с обязательными «а помнишь ...». Вот тут Сергей и ошарашил меня: “А помнишь, как мы с тобой в Томске застряли, и песни сочиняли? ” Помню – говорю. Да, были времена... были денёчки. А помнишь хоть одну **нашу** песню? Откуда, говорю, даже близко не припоминаю. А чего спрашиваешь? Да, случилась, не поверишь, такая история... в общем так. Иду как то я по студгородку, тоже лето, такая же, жара, песня «Тополиный пух» льётся из окна, её сменяет какая-то другая, и, кажется, знакомая мелодия, какая, не пойму, но, знакомая. Встал, стою, слушаю. Мать честная, вот это да! Да быть такого не может! То, что мы пели с тобой много лет назад, но уже оркестровано профессионально, льётся из окон какой-то общаги. Отпад, как теперь говорят, полный отпад! Нет, ты понимаешь, и стихи те же, и в той же очерёдности, только аранжировка, несколько другая. Но наша Кассета, Наши Песни, всё Наше!

Серёга не заливал, этим он никогда не страдал. И записаны они были классно, фирменно. Но как говаривал один герой, одного произведения: «Своё то всегда узнаешь. Своё, есть своё».

Хотите – верьте, хотите – нет, но всё было именно так.